

Е.А. ТОРОПОВ

*аспирант кафедры философии политики и права
философского факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ АНАРХО-КАПИТАЛИЗМА

В статье исследуются правовые аспекты концепции анархо-капитализма – политической теории, полагающей возможным функционирование общества в рамках сугубо рыночных институтов. Мысль о принципиальной возможности успешного функционирования частных судебно-правовых систем при полном отсутствии государственных, является одним из немногих принципиальных отличий анархо-капитализма от минархизма, полагающего судебно-правовую систему исключительной прерогативой государства.

Ключевые слова: анархо-капитализм, минархизм, частное право, либертарианство, Бенсон, Фридман, Хьюмер, Нозик, Ротбард.

Концепция анархо-капитализма полагает возможным функционирование частных, имеющих свободно-рыночный генезис судебно-правовых систем и аргументирует их преимущества над этатистскими аналогами в той же консеквенциалистской логике, в какой излагает преимущества любых других образуемых рынком товаров и услуг над предоставляемых государством – будь то образование, здравоохранение или социальное обеспечение. Данная аргументация сводится к большему ассортименту для потребителя, увеличению конкуренции производителей и меньшей вероятности монополизации предоставления товаров и услуг, чем в случае государства, которое априори монопольно, а также склонно ограничивать выход на рынок новых агентов путем регуляций и налогов в пользу уже действующих участников рынка, таких как мегакорпорации, лоббирующие законодательство и налоговый кодекс в свою пользу, или прямой государственный запрет на предоставление той или иной услуги частным агентом.

В тоже время именно судебно-правовые вопросы представляют собой основную сложность в функционировании внеэтатистского, свободно-рыночного общества, что и представляет особый интерес для разбора

правовых аспектов потенциального анархо-капиталистического общества. Наиболее близкая к анархо-капитализму концепция минархизма, схожим образом отстаивая уменьшение роли государства практически во всех сферах, оставляет судебно-правовые аспекты государству. Концепция же анархо-капитализма, в отличие от минархизма или классического либерализма, предпринимает попытки обоснования принципиальной возможности функционирования частного права, опираясь при этом не только на теоретически аргументы и проведение параллелей с рынком товаров и услуг, но и приводя исторические прецеденты частного права.

Представляется, что изучение анархо-капиталистической аргументации в правовом аспекте способно как привнести свежую струю идей и аргументов в политическую науку и юриспруденцию, так и обозначить возможные сильные и слабые стороны государства и рынка через идеализацию дихотомии «власть-рынок». В практической плоскости совершенствование понимания границ рынка и государства, их преимуществ и недостатков имеют потенциал к применению в вопросах правового регулирования самых разных сфер жизни.

В теоретическом измерении частное право приведет к разнообразию полностью добровольных юрисдикций, каждая из которых будет отвечать потребностям и приоритетам той или иной группы индивидов, обладающих свободным выбором между ними. В этом и кроется ответ на вопрос о возможной практической пользе стремления к претворению концепции частного права в жизнь: судебно-правовые системы, имеющие рыночный генезис, равно как и любые другие рыночные социальные или экономические институты, априори подразумевают их формирование «снизу», самими гражданами – в отличие от государственной машины, которая даже при самых благих намерениях физически не способна учесть самые разные пожелания своих же граждан в рамках унифицированной, государственной судебно-правовой системы. Рыночные правовые системы, в свою очередь, могут гибко меняться под их создателей и потребителей, которые, к тому же, могут сменить одну судебно-правовую систему на другую.

Частное право, таким образом, – особый институт, в рамках которого граждане *добровольно* соглашаются на некоторые правила взаимодействия между собой. Отвечая на самое очевидное возражение о возможности появления экзотических систем, к примеру, не наказывающих за убийство, следует отметить, что едва ли такая система будет пользоваться спросом, и, как следствие, вообще существовать – поскольку правовая система в условиях свободного рынка является платным сервисом, существующим за счет платежей, согласившихся жить в ее рамках людей. Учитывая стремление человека к безопасности, логично ожидать, что в любой из этих систем, при всем их различии, к примеру, в коммерческом, семейном или трудовом праве, преступления насильственного характера будут наказываться

в каждой из них – и чем эффективнее в плане предотвращения преступлений, тем большим спросом такая система будет пользоваться.

Тем не менее, именно в вопросах жизни и смерти, в предотвращении насильственных преступлений и наказании за них частные судебно-правовые системы могут вступать в трудноразрешимые противоречия между собой. Если коммерческие, семейные или политические вопросы могут решаться в рамках тех или иных частных правовых систем в условиях отсутствия рисков необратимых следствий, таких как смерть или непоправимый ущерб здоровью, а в случае противоречий гражданин может свободно сменить ту или иную правовую систему на конкурирующий аналог, то в вопросах уголовных преступлений действительно отсутствует гарантированность благополучного исхода возможных правовых коллизий.

Ответом на указанную проблему может служить преимущественно эволюционный, но не революционный настрой подавляющего большинства теоретиков анархо-капитализма – необходимость последовательного, но не одномоментного перехода от государства к свободному рынку – и приватизацию уголовного права в последнюю очередь, уже после других отраслей права. В рамках такой «эволюционной» модели, как пишет один из современных теоретиков анархо-капитализма Майкл Хьюмер, частные институты расширяются одновременно со сжатием государственных, потенциально сосуществуя в течение длительного времени [9. С. 325]. Мыслитель также приводит оригинальный ответ на приведенное выше автором статьи опасение о принципиальной невозможности частного уголовного права, подчеркивая всю парадоксальность этатистского уголовного права как карающего преступника, но не стремящейся к компенсации ущерба для жертвы: «Это будет более вероятным, когда мы начнем смотреть на преступления не как на спор между государством и обвиняемым, а как на спор между обвиняемым и *жертвой*» [9. С. 326].

Тем не менее, и в государственном уголовном праве отнюдь не все благополучно, и существует целый ряд проблем, многие из которых имеют тенденцию к разрастанию. Здесь уместно сослаться на такой показатель эффективности предотвращения уголовных преступлений, как число занятых в правоохранительной системе и расходы на нее. Брюс Бенсон, один из ключевых современных проponentов частного права, утверждает, что в США 1970-х гг. «занятость в правоохранительном секторе возросла более чем пятикратно относительно прироста населения, а расходы в реальном выражении практически удвоились» [6. С. 131].

Можно привести еще один контраргумент возможности частного права: что будет с теми, кто откажется выбирать какую-либо судебно-правовую систему в принципе? Действительно, в свободно-рыночном обществе человек теоретически сможет экономить на взносах, которые, скорее всего, будут существенно ниже этатистского налогообложения (т.к. конкуренция

приведет к минимально возможной стоимости – более низкой, нежели у монопольных государственных). Однако кто при этом решится взаимодействовать с ним в сколько-нибудь существенных вопросах, осознавая, что он не несет никакой правовой ответственности за свои действия и слова? Таким образом, образуется непосредственный и, что важно, ненасильственный стимул принадлежать к судебной-правовой системе – если только индивид не ведет образ жизни отшельника.

Исходя из вышесказанного, наиболее вероятным представляется сценарий, при котором в анархо-капиталистическом обществе каждый человек будет членом какой-либо частной юрисдикции, а сами частные юрисдикции также смогут сотрудничать между собой на уровне отдельных, общих для всех юрисдикций компонентов, вроде обращения к одному, наиболее эффективному частному охранному агентству – с целью оптимизации расходов. Помимо возможной общности их законов в отношении, к примеру, насильственных преступлений, они, дабы исключить переход непокорных граждан в другие юрисдикции, также смогут создать общий реестр клиентов, в котором фиксируется параметр законопослушности – соблюдения принятых правил. Аналог можно наблюдать в виде межбанковского реестра добросовестности заемщиков.

Можно привести и третье принципиальное возражение концепции частного права: сегодня, в условиях этатистской действительности, отдельно взятый индивид также может сменить юрисдикцию путем миграции в другое государство. Однако колоссальные издержки такой смены в виде переезда в другое государство со всеми сопутствующими следствиями фактически сводят на нет конкуренцию между государствами в правовом аспекте. Частные же юрисдикции, весьма вероятно, не будут иметь территориальных границ в силу отсутствия необходимости демаркации физических границ собственного применения, будучи выбираемыми простой уплатой взноса. В свою очередь, отсутствие физических разграничений между различными судебными-правовыми системами обусловлено отсутствием необходимости проживания на одной территории как субъектов, так и объектов правоприменения – в особенности принимая во внимание современные реалии в виде электронного документооборота, судебных заседаний, проводимых с использованием средств видеосвязи, а плюс ко всему – договоров и иных правовых отношений, заключаемых агентами, ни разу не встречавшихся друг с другом воочию и живущих на разных концах мира.

В юридической науке также существует близкий к анархо-капитализму взгляд, согласно которому частный правовой базис является первичным по отношению к государственному – который выполняет лишь сервисную функцию. Российский правовед В.А. Пономаренко суммировал идею приоритетности частного права: «Теория признает теперь, что публичный правопорядок суть лишь сервисная надстройка над частноправовым социальным

базисом, жизнедеятельность которого публичная власть призвана обслуживать. Важно, что не только единственным источником, но и самоцелью публичной власти, по мнению значительной части сегодняшних теоретиков права, выступает складывающийся естественным путем (стихийно) частный правопорядок» [3. С. 51].

Идея примата частного права над государственным является, в своей сущности, в высшей степени антиэтатистской. Еще в «Философии права» Гегеля право было сформулировано как выражение воли народа [1]. Именно гегелевский взгляд на право, как на сущность государства является общепринятым в юридической науке на протяжении двух столетий, оставаясь «золотым стандартом» философии права и сегодня.

Тем не менее, любопытно взглянуть на аргументацию анархо-капиталистов относительно уже идущего, по их мнению, процесса замещения государственного права частным. М. Хьюмер приводит статистические данные, подкрепляющие его наблюдения касательно постепенного, градиентного процесса замещения государственных судов частными: «В США практика включения арбитражных оговорок в трудовые договоры широко распространилась, начиная с 1970-х гг., и сегодня до 25% работников используют арбитражи для разрешения споров с работодателями. Суды обычно признают эти оговорки и отказываются от изменения арбитражных решений» [9. С. 325]. Б. Бенсон, в свою очередь, доказывает кратный рост рынка частных охранных услуг: «Между 1964 и 1981 гг. трудоустройство работников в частные охранные и детективные агентства выросло на 432,9%, а число фирм, предлагающих подобные услуги, возросло на 285,5% за тот же промежуток времени» [6. С. 2]. Приведенные данные наглядно демонстрируют тенденцию возрастания роли рынка как в судебно-правовом, так и правоохранительном аспектах – не в последнюю очередь вследствие общей неудовлетворенности этатистскими аналогами.

М. Хьюмер также предлагает модель постепенного перехода общества к частному праву даже с согласия самого государства: «Почему государства согласятся на аутсорсинг одной из своих центральных функций? Одной из причин является то, что суды сильно перегружены и будут приветствовать уменьшение загруженности (1). Законодательные собрания и суды в США уже сегодня требуют разрешения отдельных видов споров арбитражами» [9. С. 326].

Переходя к анализу реально существовавших прецедентов частного юридического устройства, следует обратиться к российскому исследователю И.Ю. Философову, чье исследование средневековой Исландии и позиции Д. Фридмана (3) заслуживают дословного воспроизведения: «Каждый человек в Исландии имел право заключить «общественный договор» с любым годи (2) в любой момент – то есть, с точки зрения либертарианской философии, между годи существовала честная конкуренция. Это

положение Фридмана было поддержано в 1990 г. исландским экономистом Т. Эггертссоном: «Политическая арена во времена раннего исландского народовластия, – пишет Эггертссон, – представляла собой конкурентный рынок с 35 компаниями-игроками равной силы» [4. С. 58].

В чем причина исчезновения рынка юрисдикций и перехода Исландии под власть короля? «Главной причиной упадка исландского народовластия Лонг считает не те принципы, которые были положены в его основу, не географические и природные факторы, а появление территориального налогообложения в виде церковной десятины. «Юрисдикция годи не была связана с территорией, – пишет Лонг, – вожди, стремящиеся к возвышению, погнавшиеся за роскошью или требующие слишком большую плату за свои услуги, теряли сторонников. Но десятина была *привязана* к региону: каждый живущий в окрестностях церкви обязан был жертвовать именно на нее». Ловушка в том, что теперь с титулом годи можно купить церковь и собирать территориальный налог. Доход больше не зависел от репутации, качества «услуг» (т.е. военной и судебной защиты) и довольства приобретателей этих услуг, но только от богатства церковных округов» [4. С. 59].

Тем не менее, конкурентный рынок юрисдикций просуществовал в Исландии более трех столетий, и был разрушен по причине введения церковных десятин, территориально привязанных и потому фактически носивших характер безусловных налоговых платежей.

Дополнительно в обоснование прикладного характера концепции частного права, разрабатываемой представителями анархо-капитализма следует отметить, что Д.Фридман в своей монографии 2019 г., сосредотачивающейся на вопросах частного права, посвящает целый раздел практической применимости отдельных аспектов исторических прецедентов функционирования частного права в современном, этатистском мире [7].

Позиция анархо-капиталистов как относительно частного права, как и социально-экономических вопросов, является, несомненно, некоторой теоретической идеализацией, вопрос о практической реализуемости которой остается открытым. По мнению представителей рассматриваемой концепции, частное право уже начинает отнимать долю у государственного естественно-эволюционным путем. В этом и заключается ответ представителей анархо-капитализма на возражения ключевого теоретика минархизма Роберта Нозика, полагавшего позицию анархо-капиталистов радикальной в смысле желаемой ими, по мнению Нозика, немедленной имплементации *полностью* частного права.

М. Ротбард [10], с которым Р. Нозик [2] и состоял в активной дискуссии, действительно не артикулировал эволюционного пути достижения анархо-капиталистического общества (но и не призывая, тем не менее к революционному, обходя стороной вопросы практической достижимости анархо-капитализма). Но в случае работ М. Хьюмера, Б. Бенсона или последних

монографий Фридмана, которые Нозик уже не застал, очевиден общий настрой анархо-капитализма на сугубо эволюционный характер постепенного и тщательно спланированного приближения к идеалу анархо-капиталистического общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) О проблеме перегруженности судебной системы регулярно слышно не только в американском, но и в российском юридическом сообществе.

(2) Общинный вождь, наделенный судебными и административными полномочиями.

(3) Позиция Д. Фридмана была изложена еще в 1973 году, с публикацией первого издания «*The Machinery of Freedom*» [8]. Но в 2019 году мыслитель опубликовал отдельную монографию по этому вопросу. См. [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
2. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.
3. Пономаренко В.А. Гражданское судопроизводство как услуга в электронном сервисном государстве // *Lex russica*. 2016. № 2.
4. Философов И.Ю. Исландия эпохи народовластия в современном либертарианском дискурсе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения*. 2014. № 4.
5. Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. М., 2017.
6. Benson B. *The Enterprise of Law: Justice Without the State*. Ca., 2011.
7. Friedman D. *Legal Systems Very Different from Ours*. N.Y., 2019.
8. Friedman D. *The Machinery of Freedom*. N.Y., 1973; 1989; 2014.
9. Huemer M. *The Problem of Political Authority*. N.Y., 2013.
10. Rothbard M. *The Ethics of Liberty*. N.Y., 2003.

E.A. TOROPOV

*PhD student of the Department of Philosophy of Politics and Law,
Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

LEGAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF ANARCHO-CAPITALISM

This article is devoted to legal aspects of anarcho-capitalism – a political philosophy that suggests the possibility for society to exist within the framework of purely market institutions. The very idea of the fundamental possibility of the successful functioning of private judicial and legal institutions in the complete absence of state ones is one of the few fundamental differences between anarcho-capitalism and minarchism, which considers the judicial and legal systems to be the exclusive prerogative of the state.

Key words: *anarcho-capitalism, minarchism, private law, libertarianism, Benson, Friedman, Huemer, Nozik, Rothbard.*